

Шейх Нафзави

**Сад
услаждений**

*Средневековый
эротический
трактат*

Шейх Нафзави Сад наслаждений. Средневековый эротический трактат

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22572981
ISBN 9785448361142*

Аннотация

«Сад наслаждений» был написан в XV веке арабским учёным Шейхом Нафзави. Этот эротический трактат, обнаруженный в Алжире в 19-м столетии, выдержал десятки переизданий на многих языках мира. В частности, до английского читателя он дошёл с лёгкой руки знаменитого исследователя, поэта и путешественника Р. Бэртона (1821—1890). Как «Камасутра» и другие подобные сочинения, книга является любопытным гендерным памятником Средневековья.

Содержание

Предисловие	7
Введение	12
Общие замечания о соитии	12
История труда	15
Глава I	18
О мужчине, достойном похвал	18
Качества, кои женщины	20
Различие в величинах	21
Употребление благовоний. История	22
о Мусайлиме	
Глава II	43
Касательно женщин, заслуживающих похвалы	43
История о Дорераме, негре	45
Глава III	63
О мужчинах, заслуживающих презрения	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сад наслаждений Средневековый эротический трактат

Шейх Нафзави

Переводчик Игорь Олен

© Шейх Нафзави, 2017

© Игорь Олен, перевод, 2017

ISBN 978-5-4483-6114-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Сад услаждений» – это тысяча и одна ночь любви, сочинённая Шейхом Абу Абд-Аллахом ан-Нафзави в XV-м веке по просьбе тунисского бея Абд аль-Азиза. Это гимн чувственных наслаждений и панегирик любви, клад изысканных эротических знаний, свод похождений арабских владык и женщин, памятник средневековой арабской литературы, преподносимый ценителям нежных чувств, исторических авантур и фэнтези в нашем отечестве после десятков переизданий на Западе. Книга, отправившаяся по миру с напутствием Мопассана.

Предисловие

Копия манускрипта на арабском языке под названием *Al Raud al atir wa nuzhat al Khatir*¹ была найдена незадолго до 1850 года в Алжире неким «господином бароном R***», офицером французской колониальной армии. Это и был предлагаемый ныне читателю «Сад услаждения душ». Первое, факсимильное, так называемое «оригинальное издание», числом в 35 экземпляров, позволяющее по некоторым признакам судить, что оно выполнено в Алжире около 1876 года, и – одновременно – первый (французский) перевод *Cada* был титулован *LE JARDIN PARFUME (AL-RAUD AL-ATIR) Par le Sidi Mohammed el-Nafzaoui; Ouvrage du Cheikh, l'Iman, le Savant, le très-Erudit, le très Intelligent, le très-Véridique Sidi Mohammed el-Nafzaoui que Dieu très-Elevé lui fasse Miséricorde par sa Puissance. Amen. Traduit de l'Arabe par Monsieur le Baron R***, Capitaine d'Etat major*. В этом первом «оригинальном издании» 283 страницы главного текста, 15 – предисловия, 2 – портретов, 13 страниц дополнительных текстов и 43 эротические иллюстрации.

¹ Транслитерация, присущая арабскому языку, позволила «Словарю афродитики» (Wedek. Dictionary of Aphrodisiacs. Philosophical Library, New York, 1960) дать такое название Сада: Er Roud El Aater P'nezaha El Khater, что можно перевести как: Благоухающий Сад, Радость сердцу Мужчины, и, кроме этого: Полный Сад Ароматов для услажденья Души.

В 1885 году в Париже оригинальное литографическое издание было, весьма искусно, подделано, так что фальшивка с трудом отличалась от оригинала. Интересно, что в августе предыдущего года великий француз Мопассан в письме издателю предлагал напечатать якобы найденный им перевод средневекового арабского эротического трактата. Было ли это письмо адресовано собственному издателю новеллиста или же Исидору Лизэ – книгопечатнику и учёному, собирателю редкостей – неизвестно. Но в 1886 году последний, уже типографским способом, отпечатал отредактированных и откорректированных 220 экземпляров *Cada*. Титульный лист гласил: *LE JARDIN PARFUME DU CHEIKH NEFZAOUÏ: Manuel d'Erotologie Arabe: XVI Siècle. Traduction revue et corrigé. Paris, Isidore Liseux, 1886*. Версия 1886 года была перепечатана в 1904 году без упоминания имени и без ведома умершего за десять лет до того Исидора Лизэ. Последующие великолепные многотиражные перепечатки увидели свет в Париже в серии «Мэтры любви», издаваемой «Библиотекой редкостей», в 1911 и в 1922 годах. Выходил *Cad* ограниченным тиражом во Франции и в дальнейшем.

Отредактированная Лизэ версия французского оригинала 1850 года привлекла внимание знаменитого путешественника и исследователя, автора «Арабских ночей» Ричарда Бэртон (1821 – 1890). В рамках организованного им Общества «Кама Шастра», целью которого было ознакомление европейцев с классической эротической литературой Востока,

были, одно за другим, опубликованы переводы «Кама Сутры», «Ананга Ранги», «Благоухающего Сада», «Бахаристана» и «Гулистана». Второе английское издание *Сада* последовало в том же 1886 году в виде тома в белоснежном пергаменте с золотом: *THE PERFUMED GARDEN OF THE CHEIKH NE-FZAOUI: A Manual of Arabian Erotology (XVI Century): Revised and Corrected Translation. Cosmopoli: MDCCCLXXXVi: for the Kama Shashtra Society of London and Benares, and for Private circulation only. (Pagination xvi +256)*. После того как в 1888 году начался выпуск шестнадцати томов «Арабских ночей», Бэртон приступил к новому переводу Сада, уже непосредственно с арабского манускрипта, подвинутый желанием более полно представить этот средневековый памятник эротической мысли, поскольку в письме Мопассана упоминалось, что первый французский переводчик «не осмелится перевести главу, касающуюся распространённого зла в той стране, – а именно „Педерастия“». Но смерть автора оставила намерение неосуществлённым, и труд в полном его виде оказался незавершённым, хотя для Бэртона он значил многое, если не всё. Автор давал понять друзьям, что эта книга – его *magnum opus*: «Я вложил мою жизнь и кровь в этот „Сад ароматов“, и я питаю надежду, что я останусь жить благодаря ему. Это венец моей жизни». Жена Бэртона уничтожила незаконченный перевод, исходя из собственных представлений морали. В конце XIX века Чарльз Каррингтон попытался завершить дело, начатое Р. Бэртоном, осно-

вываясь на добытой им «абсолютно уникальной» и полной арабской версии, но тоже не завершил предприятие, так что предшествующая работа стала основой для многочисленных поздних переизданий – неряшливых, низкопробных, дешёвых перепечаток на всех основных языках. Только последние десятилетия нашего века явили ряд качественных и корректных, следующих первой публикации образцов.

Необходимо сказать и об авторе книги. Шейх Нафзави, известный только и в связи со своим творением, по всей видимости, был широко образованным человеком, весьма эрудированным и имевшим значительные познания в литературе и медицине. Несмотря на тот факт, что Р. Бэртон, вслед за Лизэ, относил время создания книги к XVI столетию, изыскания современной поры позволяют считать таковым годы между 1394-м и 1433-м, к которым, следовательно, относится и творческий период жизни творца. Судя по имени (а арабы имели обыкновение приставлять имя места рождения к своему) автор был родом из города Нафзава, что на юге средневекового королевства Тунис. И вполне вероятно, что книга написана там же. Известно, что бей (или правитель) Туниса, прознав про одарённого аристократа, велел возложить на него обязанности судьи (кади), хотя тот не желал посвящать себя бюрократическому служению. Чтобы не вызвать обиды владыки, шейх, занятый написанием *Сада*, выпросил отсрочку. Немногие сведения о творце и в самой книге, благодаря коей Шейх Нафзави стал бессмертным.

Настоящий, адаптированный для русскоязычного читателя перевод этого памятника средневековой арабской литературы (с исключением главы о педерастии) выполнен на основе оригинального издания Общества «Кама Шастра» 1886 года под редакцией Р. Бэртона. Откровенность материала потребовала специального стилистического языка, позволяющего о явном повествовать завуалировано, что в ладу с ожиданиями деликатности, скромности и любознательности. В тексте использовались цитаты из Корана в переводах академика И. Ю. Крачковского и В. М. Пороховой.

Введение

Общие замечания о соитии

Слава Аллаху, вместившему величайшее наслаждение мужа в естественных формах женщин и предназначившему его формы дарить наслаждение жёнам². Он не позволил их формам иметь удовольствие, пока средство самца не пронзит их; равно его формы не ведают сна и покоя, покуда не скроются в женских.

Поэтому и взаимность. Меж тружениками чинится борьба, соплетение и подобие бурной схватки. Благодаря сближению нижних сфер животов восторг наступает. Мужчина работает, словно пестиком, и жена повторяет его сладострастными сдвигами; достигается извержение.

Целование уст и ланит, и сосание свежих губ – дар Алла-

² Этот период в арабском манускрипте, частично переведённом Каррингтоном, звучит так: *«Книга, названная Благоухающий Сад для Услаждения Душ, Шейха Аль-Имама Абу Абд-Аллах Ан-Нафзави – во имя Аллаха милостивого и сострадательного, да пребудут молитвы и мир с нашим владыкой и господином Мухаммадом – этот учёный шейх и имам, и великий мудрец, и достойный образчик и образованнейший Абу Абд-Аллах Мохаммед Ибн Омар Ан-Нафзави – да пребудет с ним жалость Аллаха Всевышнего, амен! – так начал: Восславим Аллаха, Кто заключил величайшее наслаждение мужа в расселине женичины и поместил родник радости женичины на вершии дрота мужчины!»*.

ха, множащий наслаждение в благоданный момент. И Аллах также Тот, Кто украсил их перси сосцами, и одарил их двойным подбородком³, дав их ланитам брильянтовый цвет.

И Он дал им глаза, излучающие любовь, и ресницы, подобные саблям отточенным.

Дал им круглое лоно, прекрасный пупок и чарующие ягодицы; и чудеса сии вознёс бёдрами, И меж последними поместил Аллах поле битвы: когда оно изобилует плотью, подобно оно главе льва. И оно называется вульва. О, сколько жизней мужских подле врат её! Среди них сколько героев!

И место сие Он, Аллах, снабдил ртом, языком и губами, так что походит оно на печаток копытца газели в пустыне.

Могущество и прозорливость Аллаха устроили так, что сия совокупность возносится на колоннах, какие не слишком короткие и не длинные; и они привлекают коленями, икрами, щиколотками и лодыжками, на которых порой драгоценные кольца.

И вот Всемогуший поверг жену морю восторгов, и неги, и восхищений, покрыв её роскошью одеяний с блистающими поясами, и наделил возбуждающими улыбками.

И да будет позволено нам восхвалить и восславить Его, сотворившего женщину в её прелести, многожеланную её плоть, одарившего женщину волосами, прельстительным станом, грудями, которые пухлы, а равно стезями любви, что

³ Полнота женщин, в частности, складки на животе, особенно привлекательна для араба.

рождают восторги.

Владыка Вселенной вручил им державу соблазна; и слабые, и могучие из мужей обречены их любить. Из-за них они странствуют и взыскуют, враждуют и дружат.

И грусть и тоска, коя с теми, кто любит и вдалеке от предмета любви, заставляет их души сгорать от любви; они в рабстве, в ничтожестве и в несчастьях, подавлены своей страстью, и всё это плод их безудержного порыва к соитию.

Я, раб Аллаха, я благодарен Ему, что никто не удержится от любви к женщине и не избегнет желания обладать ею ни в переменах, ни бегством, ни через разлуку.

Я утверждаю, что есть лишь один Бог и что Он не имеет подобий. Пребуду в сём убеждении и по Страшный Суд.

Я подтверждаю сие перед нашим владыкой и господином, слугой и посланником Неба и величайшим Пророком (благословенье и милость Аллаха пребудут с ним и его родом и учениками). В молитвах и в благодарностях я останусь по Судный День, ужасающий миг.

История труда

Я написал замечательный этот труд вслед за маленькой книгой, названной *Светоч Мира*, которая рассуждает о таинстве размножения.

И про то вызнал славный визирь нашего повелителя Абд-аль-Азиза, владыки Туниса.

Этот светлейший визирь был ему и поэтом, и другом, и личным советником. Он был правдив, проницателен и разумен, был образованный и имел знания многих вещей. Он назывался Мохаммед бен Оуана аз-Зонави и родословную вёл от Зонава⁴. Он вырос в Алжире, в городе том наш господин Абд-аль-Азиз Аль-Хавзи познакомился с ним. Когда же Алжир был захвачен⁵, правитель бежал с ним в Тунис, (владения коего да сохраняются Аллахом до самого Дня Возмездия) и объявил его там великим визирем.

Прочтя мою книгу, он послал за мной с настоятельной просьбой его посетить. Я пошёл к нему и был принят с почестями.

Три дня спустя он пришёл ко мне сам и, показывая мою

⁴ Зонава было независимым кабийским племенем, занимавшим высоты горной системы Джурджура.

⁵ Испанией в 1510 году, когда город обложен был данью, или турками в 1515-м. Но, если книга написана в более ранний период, как указывалось выше, то речь о каком-то другом факте агрессии.

книгу, сказал: «Это твой труд». Увидев, что я покраснел, он добавил: «Не нужно стыдиться; все, что написал ты, – чистая правда; твоё сочинение не оскорбит никого. Между тем ты не первый, кто рассуждает об этом; клянусь Аллахом, что эту книгу необходимо прочесть. Жалкий лгун и враг всякой науки, кто не ознакомится с нею или пренебрежёт ею. Однако есть вещи, тобой обойдённые». Я спросил, о каких вещах речь; он ответил: «Хочу, чтоб ты сделал к труду дополнение и рассмотрел в нём, что ты не рассматривал, также добавив детали пренебрежённые, но относящиеся тем не менее к теме. Так, расскажи о позывах к трудам размножения и об явлениях, что препятствуют. И поведай, как увеличить размеры до цифр совершенных, поведай о средствах, что изгоняют дурной аромат из подмышек, из женских естественных форм и с того, чем касаются этих форм. Упомяни и беременность, чтоб эта книга предстала законченной и не нуждалась ни в чём. И тогда, если труд твой насытит желания, мы назовём его конченными совершенным».

И я осмелился так ответить визирю: «О, господин мой, твои повеления выполнить можно, если угодно Аллаху».

И я продолжил работу над книгой, призвав на подмогу Аллаха (прольёт Он щедроты Свои на Пророка Его, и пребудут с ним счастье и милосердие).

Я назвал эту книгу *Благоухающий Сад Услаждения Душ*. Мы взываем к Аллаху, который всё делает к лучшему (нет Бога, кроме Него, нет блага в том, что не от Него), дабы дал

Он нам помощь и вёл нас дорогою праведной, ибо нет силы и радости, если не в славе Аллаха и всемогуществе.

Я разделил эту книгу на двадцать одну главу, чтобы легче читать малосведущему и облегчить ему поиск нужного. В каждой главе раскрывается определённая тема: сказочная, например, медицинская, или знакомящая с кознями женщин.

Глава I

О мужчине, достойном похвал

Знай, визирь (Аллах благословит тебя!), что существуют мужчины и женщины и среди них есть достойные похвалы и заслуживающие презрения.

Когда муж достойный оказывается подле жён, уд его возрастает и крепнет, и исполняется бодрости, и твердеет; и не торопится извергать, и после трепета, вызванного изливанием, вновь укрепляется.

Муж такой привечаем, ведь женщины любят мужчин для соития. Уд потому должен быть соразмерным. Муж сей широкогруд, мощен торсом; он понимает, как управлять изливанием и подготавливать возбуждение; уд у него достаёт дна колодца и заполняет его. Вот какой нужен жёнам, ибо поэт говорит:

Слушал я жён, называвших
Свойства похвального мужа:
Сдержанность, силу и статность,
Долгое совокупленье,
Медленный подступ к финалу,
Лёгкую грудь над сосцами

И долговременный выброс,
Кой удлиняет блаженство;
Уд, работающий и стойкий,
Пашущий вульву часами, —
Вот предпочтительный жёнам
И предостойный мужчина.

Качества, кои женщины ищут в мужчинах

История сообщает, что некогда Абд аль-Малик ибн Мерван⁶ отправился к Лейле⁷, возлюбленной, и вопрошал её. Кроме прочего он спросил и о том, каковы качества мужа, ценимого жёнами, Лейла ответила:

«О, господин мой, ланиты такого должны быть подобны твоим».

«И ещё что?» – настаивал тот. И она продолжала:

«И волосы, как у тебя; наконец, ему надобно и во всём быть, как ты, о мой принц правоверных, ибо, когда муж не властный и не богатый, он ничего не получит от женщин».

⁶ Халиф из рода Омейядов, правивших в Дамаске (685 – 705). Его имя встречается на монетах того времени.

⁷ Поэтесса, жившая в эпоху ибн Мервана. Знаменита любовью, которую внушила Меджнуну. Отношения двух влюблённых увековечил в поэме «Лейли и Меджнун» Низами (1141 —1209).

Различие в величинах

Уд мужа, прельщающий жён, наибольшей длиной должен иметь ширину трёх ладоней, или двенадцати пальцев, а наименьшей – ладонь с половиною, или шесть пальцев.

Есть мужи с удом двенадцати пальцев, что три ладони, а есть – в десять пальцев, в две с половиной ладони, и есть – в восемь пальцев, что есть две ладони. Муже меньшим удом не радуется женщин.

Употребление благовоний.

История о Мусайлиме

Использование благовоний женщиной, так и мужчиной, способствует совокуплению. Женщину аромат возбуждает; употребление ароматных веществ помогает мужчине, желающему обладания женщиной.

Сообщают о Мусайлиме⁸, о лжепророке, сыне Каисса (кого проклянет Аллах!), кой воображал, что имеет в себе дар пророчества, и притворялся Пророком Аллаха (благословения и благодать на нём). За что он и великая масса арабов подверглись ударам десницы Аллаха.

Он, Мусайлима, сын Каисса, самозванец, с помощью лжи и обмана читал Коран, и по поводу суры⁹, которую ангел Джибрил (благодаренье ему) принёс в дар Пророку (милость Аллаха и слава ему), он сказал неустойчивым в вере, пришедшим к нему: «И мне тоже Джибрил принес копию этой суры».

⁸ Мусайлима (уничужительное от Маслама) – для мусульман – лжепророк. Представитель пророческого движения в Аравии VII века и соперник Мухаммада. Происходил из племени ханифа, обитавшего в земледельческой области Йемена. Считался пророком – посланником бога Рахмана ещё до начала пророческой деятельности основоположника ислама. Он пал в сражении в 634 году, когда в Йемену вторглись войска халифа Абу Бакра.

⁹ Сура – название каждой из 114 частей (глав) Корана.

Он толковал суру «Слон»¹⁰ таким образом: «В этом „божественном откровении“ про слона вижу только слона. Что есть слон? Что сие означает? Что это за четвероногое? У него длинный хобот и хвост. Истинно, он – творенье Аллаха-кудесника!»

Сура «Обильный»¹¹ тоже оспаривалась им, говорившим, что-де Аллах заявил ему лично: «Мы дали тебе драгоценные камни, и предпочли тебя прочим, но берегись возгордиться от этого».

Так с помощью лжи и мошенничества Мусайлима перевирал Коран.

Он уже проповедовал, когда он услышал о Пророке (благословенье и милость Аллаха с ним). Он прослышал, что, после того как тот возлагал длань на лысую голову, волосы отрастали опять; что, когда он плевал в яму, там в изобилии появлялась вода и моча превращалась в хрустальную влагу, приятную для питья; что, когда тот плевал в око, незрячее или с бельмом, зрение восстанавливалось и что если касался ребёнка с молитвой: «Живи до ста лет», – тот жил сто лет.

Как только ученики Мусайлимы увидели эти вещи и услы-

¹⁰ Эта 105-я сура Корана истоком имеет победу Пророка над эфиопским принцем. Белый слон, на котором сидел принц, в виду Мекки – священного города мусульман – стал на колени. Победу Пророка высмеивал Мусайлима, считая, что эта глава повествует единственно о животном.

¹¹ По поводу 108-ой главы он сказал, будто откровения, каковые начальный стих суры торжественно оставлял за Мухаммадом, прежде были открыты ему, дабы он выбрал лучшее.

хали о них, подступили к нему и сказали: «Ты слышал о Мухаммаде и о его чудесах?» Он ответил: «Я сделаю бóльшие чудеса».

Он, Мусайлима, был враг Аллаха: едва возложил он несчастные руки на темя плешивого, тот облысел; когда плюнул он в скудный колодец, хороший и тем, вмиг вода стала грязной по воле Аллаха; когда он плевал в больной глаз, тот слеп совершенно; когда он касался ребёнка и говорил: «Живи сто лет!» – тот умирал через час.

Вот что случается с теми, чьё око закрыто для света и кто лишён помощи Вышнего!

И таковой же была одна женщина племени темимитов, прозванная Саджах аль-Тамими, что притворялась пророчицей¹².

Она узнала про Мусайлиму, а он – про неё.

У неё была сила, ибо народ темимитов велик, и она рекла так:

«Откровения не вещаются через двух: или он есть пророк – и тогда я с людьми покоримся ему, иль пророчица я – тогда он с его племенем пусть пойдут за мной».

¹² Эта Саджах – в мусульманском предании лжепророчица – яркий лидер пророческого движения в Аравии VII столетия. Ещё при жизни Мухаммада она в трансах вещала от имени «божества облаков» и откровения произносила рифмованной прозой *сadj* со специального возвышения *манбар*; на молитвы учеников её призывал специально назначенный ей *муаззин*. В 633 году темимиты войною пошли на Йемаму и, по легенде, тамошний вождь и пророк Мусайлима (Маслама) вынужден был заключить с ней союз через брак. Оба они, по преданию, пали спустя год в битве с мусульманами.

Это было уже после смерти Пророка (благословение и милосердие Аллаха Всевышнего с ним).

И она приготовила Мусайлиме письмо, в каковом заявила: *«Не подобает нам двум одновременно заниматься пророчеством; пусть это делает кто-то один. Испытаем друг друга, обсудим, что открывается нам Кораном, и подчинимся тому, кто докажет себя настоящим пророком».*

И, запечатав письмо, отдала для гонца со словами:

«Следуй в Йемаму, чтобы вручить это Масламе бен Каису. Я же пойду за тобой с моим войском».

Спустя день она со своей кавалерией отбыла за гонцом. Тот, прибыв к Мусайлиме, почтил его и вручил письмо. Мусайлима перепугался и начал советоваться с окружением, но в советах и в предложениях не было, что б решило его затруднение.

Он был в смятении, когда некий старейшина выступил и сказал:

«О, Маслама, сдержи свои слёзы и успокой свою душу. Я предложу тебе то, что предложил бы для сына отец». Мусайлима сказал:

«Говори, и да будут слова твои правдой». Тот начал:

«Поставь шатёр из цветной парчи, что обшит изнутри шёлком¹³. В шатре размести благовония: амбру, мускус и ароматные розы, цветы апельсина, жонкилию, гиацинты,

¹³ У кочевых арабов имелся обычай, согласно которому муж, желающий соединиться с женою, ставил шатёр.

гвоздику, жасмин. В золотые кадила́нницы положи не́ддэ¹⁴, зелёный алоэ и серую амбру. И укрепи пологи, чтобы благоухание не улетучилось, и когда оно будет пропитывать даже воду, садись на свой трон и зови её, пусть приходит остаться с тобою наедине. Ароматы расслабят её, и она потеряет рассудок. Ты предложи ей свою благосклонность, она не найдёт сил противиться. Так ты избавишься от беды».

Мусайлима воскликнул:

«Отличная выдумка! Да живёт Аллах, твой совет замечателен». И приготовил всё в точности.

И когда он почувствовал, что вода превратилась в духи, он воссел на свой трон и послал за пророчицей. Он беседовал с ней наедине в том шатре.

И она, потеряв ясность сознания, засмущалась и смолкла.

Увидев её таковою, он понял: она возжелала совокупления, – и сказал:

«Поднимись, о, пророчица, и позволь обладать тобой; сей шатёр приготовлен для этого. Если хочешь, ляг на спину, или стань на свои четвереньки, или же преклони, как в молитве, колени, касаясь лбом пола и приподняв стан твой, чтоб вышел треножник. Прими наилучшую позу, и будешь довольна».

Пророчица отвечала:

«Хочу так и этак... Да снизойдёт на меня откровенье Ал-

¹⁴ Смесь благовоний с преобладанием амбры, в форме цилиндра, ставится в углу или же зажигается с одного из концов.

лаха, о ты, величайший Пророк Всемогущего!»

Расположившись над нею, он наслаждался, как мог, и она напоследок сказала:

«Когда я отсюда уйду, ты проси у моих людей отдать меня тебе в жёны».

Покинув шатёр, она встретилась с учениками, которые ей сказали:

«Какие плоды вашей встречи, Пророчица Величайшего?»

«Он показал, что открыто ему, и то – истинно, – отвечала она. – Покоримся ему».

Мусайлима просил её в жёны, и люди её согласились. Спрошенный же о выкупе за жену, он сказал:

«Освобождаю вас всех от обета молитвы *асур* (которая возносилась в четыре часа)». С этих пор темимиты не молятся в этот час; спрашиваемые о причинах, они отвечают: «Это на совести нашей Пророчицы: только она знает путь к правде». Они в самом деле не признают прочих пророков. Об этом поэт написал:

Для нас восстала женщина-пророк;
Мы шли за нею, ибо у других
Пророки были сплошь мужи.

Конец Мусайлимы предсказан пророчеством Абу Бакра¹⁵ (Аллах к нему добр). Как известно, его убил Сайд бен Хаттаб. Другие считают, что это содеял Вахши, ученик его. Только Аллах ведаёт, кто это был. Сам Вахши в связи с этим сказал: «Я в неведении погубил лучшего из людей, Амана бен Абд аль-Мутталиба¹⁶; затем я убил худшего из людей, Мусайлиму. Я уповаю, Аллах извинит мне одно за другое».

Смысл этих слов: *я убил лучшего из людей*, – в том, что

¹⁵ Абу Бакр ас-Сиддик (572—634) – первый халиф, друг и ближайший сподвижник Мухаммада, отец любимой жены Мухаммада Айши. Сопровождал Пророка во время хиджры и скрывался с ним в пещере в окрестностях Мекки. Избранный после смерти Мухаммада халифом (632 г.), проводил политику исламизации Аравии, начал завоевание Сирии и Ирака.

¹⁶ Речь идёт о Хамзе, дяде Пророка, прозванного за верность и мужество Лев Ислама. В марте 625 года в сражении при Ухуде его сразил раб-абиссинец Вахши, выступавший на стороне меккан и позднее ставший преданным воином Мухаммада.

Вахши, до того как прознал о Пророке, убил Хамзу (Аллах добр к нему!), а затем, восприняв ислам, он убил Мусайлиму.

А Саджах аль-Тамими волей Аллаха раскаялась и приняла ислам; она вышла замуж за одного из последователей Пророка (Аллах будет добр к её мужу).

Так повествует история.

Муж, заслуживающий благосклонности жён, – кто пылает желанием усладить их. Пригож он и превосходит пригожестью тех, кто его окружает; он статен, члены его соразмерны; он искренен в речах с жёнами, великодушен и храбр, не хвастлив и приятен в общении. Раб своему обещанию, он держит слово и говорит правду и делает что говорит.

Хвастающийся благосклонностью жён и знакомствами с ними есть наипрезреннейший негодяй. О таком будет речь во второй главе.

Некогда жил правитель Мамум¹⁷, у которого был в фиглярах Бахлул, развлекавший визирей и принцев.

Он заявился к правителю, когда тот отдыхал. Попросив его сесть, тот сказал:

«С чем пришёл, сын дрянной женщины?»

И Бахлул отвечал:

«Я пришёл посмотреть, как живёт мой владыка, который

¹⁷ Абд-Аллах бен Мамум – один из сыновей знаменитого халифа Харун ар-Рашида (766—809) из династии Аббасидов. Одолев в борьбе за власть своего брата аль-Мамина, он стал правителем, почитавшим науки и добродетели.

да будет непобедим волей Аллаха!»

«А ты как живёшь? – молвил халиф. – Как управляешься с твоей старой женою и с новой?»

Ибо Бахлул, не довольствуясь прежней, взял новую.

«Я несчастлив, – такой был ответ, – и более прежнего одолеваем нуждою».

Правитель сказал: «Можешь ли привести соответствующие стихи?»

Шут отвечал утвердительно, и правитель Мамум повелел рассказать, что он знал, и Бахлул начал так:

Раб нищеты, вечно маюсь
И неудачей истерзан;
Роком привязан я к бедам,
Мне от людей презренье.
Бог не дарит мне подобных;
И оскорбляем я всяким.
Я как в тисках меж пагуб;
Видно, с домом расстанусь.

Мамум обратился к нему:

«Ты куда собираешься?»

Он ответил:

«К Аллаху или Пророку Его, принц правоверных!»

«Разумно, – заметил правитель. – Кто ищет убежище у Аллаха и у Пророка, тот нам желанен. Можешь ли рассказать нам в стихах о твоих жёнах?»

Бахлул отвечал утвердительно.

«Так позволь же услышать, что можешь сказать!»

И Бахлул тогда начал такими словами:

Мнил, что жена вторая
Мне лишь удвоит радость,
Буду я как корабль, поднявший
Ветру второй свой парус...
Вышло ж, я – меж шакалов,
Кои денно и ночью
Рвут меня и терзают.
Одну услаждаю – злится
Другая моя половина.
Куда мне сбежать от фурий?
Хотите жить вольно, в мире, —
В брак никогда не вступайте.
Нужно – одной хватит суки!
Хватит одной и войску!

И обрадованный Бахлул проходил мимо дома визиря великого. В это время Хамдонна¹⁸, выглянув из окна, усмотрела его, и она закричала своей негритянке:

«Аллах и святилища Мекки! Бахлул, жалкий шут, в шитой золотом мантии! Как завладеть ею?»

Та отвечала:

«О госпожа, не помышляй завладеть этой мантией».

¹⁸ Имя – производное от арабского корня *хамд*, что означает *хвалить*. Отсюда и Мухаммад (Магомет), как называли Пророка, Ахмед и т. д.

Но Хамдонна: «Уловкой я выманю у него мантию».

«Бахлул мудр и коварен, – заметила негритянка. – Все думают, его запросто провести, но дурачит всех он. Откажись от затеи, моя госпожа, или ты попадёшься в силки, каковые расставишь ему».

Но Хамдонна сказала опять:

«Я это сделаю!»

И отправила негритянку к Бахлулу просить навестить её.

«Ради Аллаха! – вскричал тот. – Ответь тем, кто кличет тебя¹⁹».

И согласился.

Хамдонна приветствовала его и сказала:

«Бахлул, я уверена, ты зашёл, чтобы слышать, как я пою».

Он ответил:

«Истинно, о моя госпожа! У тебя сладкий голос».

«Я думаю, что после песен ты рад будешь и угощению».

«Истинно», – отвечал тот.

Она пела так, что внимавшие умирали от страсти.

Принесены были яства; Бахлул ел и пил. Она молвила:

«Почему – я не знаю, но думаю, ты будешь рад подарить мне своё одеяние».

И Бахлул отвечал:

«О, моя госпожа! Я поклялся отдать это той, с кем я сделаю то, что устраивают муж с женой».

¹⁹ Это цитата из «Хадисов», или преданий о об острых высказываниях и о жизни Пророка.

«Можешь ли ты?» – спросила она.

«Я?! – вскричал он. – Я, кто наставляет в сём деле других слуг Аллаха?! Я пробуждаю восторги, которые дарит женщина, я показываю, как ласкать её, научая тому, что приносит блаженство! Кто знает искусство соития, если не я?!»

Дочь Мамума, Хамдонна была и женой визиря великого. Стройный стан, соразмерные формы её отличали. И ни одна современница не превзошла бы её в совершенствах. Героев при виде её брали робость и трепет, они отводили глаза, опасаясь соблазна. Такой обольстительной создал её наш Владыка! А те, кто смотрел на неё, повреждались в уме. Много героев стремились к опасностям ради её благосклонности. И Бахлул, избегая любовных мучений, страшился встреч с нею; тревожась за ясность рассудка, он никогда до тех пор не являлся пред нею.

Они препирались. Он, посмотрев, моментально вперял очи долу, страшась распалить свои страсти. Хамдонна пыталась заполучить его мантию – он не давал без награды.

«Скажи мне, какая цена подойдёт?» – спросила она.

«Сочетание, – отвечал он, – о, яблоко глаз моих!»

«Знаешь ли ты это дело, Бахлул?» – говорила она.

«Ради Аллаха! – отвечивал он. – Жёны – моё бытие. Нет того, кто знаком с ними лучше! Слушай же, госпожа: вот, мужи выбирают занятия по наклонностям и талантам, один продаёт, а другой покупает, и прочее. Я же себя посвятил обладанию лучшими жёнами. Я исцеляю, кто страждет

любовным недугом, и напояю их алчущие вагины».

Хамдонна поражена была пылом и сладостью его речи.

«Можешь ли ты привести мне стихи, подходящие слушаю?» – требовала она.

«Несомненно», – он уверял.

«Так позволь же услышать, что скажешь, Бахлул».

Он сказал следующее:

Нравы с делами мужей различают.

Тот вдохновенный, этот горюет.

Есть и такие, чья участь плачевна,

Хоть их собратья следуют к счастью,

Избранны роком, вечным везеньем.

Я же отличен от тех и этих.

Что мне арабы, турки и персы²⁰?

Жажда соитий – вот моя вера!

В ужасе я, если близ нет вульвы,

Сердце моё жжёт огонь негасимый.

Глянь на мой уд, вознесённый в славе!

Он укрощает женские страсти,

Двигаясь взад и вперёд меж бёдер.

Роза! Моя несравненная пери!

Если приёма не хватит на пыл твой,

Я повторю, и его остудим.

²⁰ Идеинные расхождения мусульман, подпитываемые национальными противоречиями, привели к тому, что уже в середине VIII века в исламе выделились пять основных религиозно-политических группировок: хариджиты, шииты, мутазилиты, сунниты и мурджииты. Бахлул жил к эпоху халифа Мамуна (813—833), пытавшегося ввести систему общего государственного вероисповедания на основе мутазилитских догматов.

Если мы вместе, будь мягкой речью,
Не уподобь слова свои сабле.
Я приближаюсь. Что отстраняться?
Ибо ты жаждешь; я ж – водонос твой.
Алчущим взорам выстави перси
И уступи без опаски страсти.
Воля Аллаха на то, что будет.
Оный исполнил меня сим жаром,
Не указавши средства иного.
И подчиняюсь я повеленьям.

Внимая, Хамдонна утратила разум и возжелала бахлулова уда, что воздымался под складкой одежды. Она говорила себе: «Отдамся...» Потом: «Не отдамся...» Она колебалась, меж тем как в её естестве зарождалось желание услады, и грешный Иблис²¹ увлажнял её формы. Она не могла устоять, убедив себя мыслью: «Если Бахлул и расскажет кому, кто поверит?»

Она попросила Бахлула снять мантию и пройти в её комнату; он ответил:

«Я не разденусь, покуда не утолю голод, о, персик глаз моих!»

Трепеща от волнения, Хамдонна встала, и расстегнула свой пояс, и двинулась пред Бахлулом, который гадал: «Бодрствую я или сплю?» Он за нею вошёл в её комнату. Она

²¹ Иблис – дьявол, сатана. Восставший против Аллаха, этот ангел низвергнут был с неба, возглавил шайтанов и джиннов и стал совращать людей.

села на шёлковое сидение, что походило на арку, и подняла одеяния с трепетом. И красота, коей Аллах одарил её, оказалась во власти Бахлула.

Он глянул на лоно её, уподобленное совершенному куполу, и на пупок, что казался жемчужиной в золотой чаше, а также на низ её лона, являвший бесценнейший угол творения, а точёность и белизна её бёдер его изумили.

И, сжав Хамдонну в объятиях, он увидел, что краска сошла с её лица и что она обезумела: взяв уд Бахлула, она волновала его и ласкала его.

И Бахлул ей сказал: «Почему ты дрожишь?»

«Прочь, сын дрянной женщины! – отвечала она. – О, Аллах! Уподобил меня кобылице и продолжает расспрашивать, и о чём! Ты зажжёшь страсть в любой женщине, будь она самая целомудренная на свете». Бахлул спросил:

«Разве я не похож на твоего мужа?»

«Что из того, похож или нет? – говорила она. – Женщина распаляется, видя мужчину, как кобылица в виду жеребца, муж он ей или нет. Кобылица ярится периодами, между тем как меня постоянно волнуют любовные речи. Сейчас я под гнётом того и другого, ты торопись, ибо мужу срок возвращаться».

Бахлул заявил:

«О, моя госпожа, боль в моей пояснице не позволяют мне быть над тобою. Прими положение мужа. Потом ты возьмёшь мою мантию и я уйду».

Он улёгся, приняв положение женщины, и его уд вознёсся, подобно колонне.

Хамдонна, усевшись на нём и взяв уд, изумилась. Размеры, упругость и мощь поразили её, закричавшую:

«Вот разрушитель всех дев и причина всех бед! О, Бахлул! Я не видела дротика лучшего!»

И она приближала его к своей вульве, покуда последняя не взмолилась безмолвно: о, уд, войди же в меня.

И Бахлул вверг уд в вагину халифовой дочери. И она, опускаясь на это оружие, вобрала его так, что оно скрылось из виду, и она изрекла:

«До чего сладострастными создал женщин Аллах, неутомимыми в поисках наслаждений».

Действуя ягодицами, словно ситом, Хам-донна подбрасывала себя вверх и вниз, влево и вправо, вперёд и назад; и никто не плясал, как она.

Дочь халифа скакала на уде, пока не пришло наслаждение, и тогда помпа вульвы стала захватывать уд, как младенец матери грудь. Нега спустилась на них одновременно, и они насладились с избытком.

Хамдонна, взяв уд, чтоб извлечь, делала это медленно, говоря:

«То был труд настоящего мужа».

Затем она встала.

Бахлул тоже встал и хотел удалиться, однако она возмутилась:

«А мантию?!»

Он ответил:

«Как, госпожа? Ты мной пользовалась и желаешь награды?!»

«Но, – отвечала она, – ты твердил, что не можешь быть надо мною из-за больной поясницы».

«Это имеет значение, но ничтожное, – молвил Бахлул. – Первый раз – твой, следующий – будет мой, мантия будет наградой, и я уйду».

И она улеглась, но Бахлул возразил:

«Я не лягу, пока не разденешься».

И она обнажилась. Ошеломляли её совершенства и прелести! Он созерцал восхитительные её бёдра, и ямку пупка, и её лоно, округлое, точно арка, и пышные груди, подобные гиацинтам. У ней была шея газели, уста были, точно кольцо, губы алы и свежи, как окровавленный меч. Зубы её заменили бы жемчуг, щёки её заменили бы розы. Смоль глаз изумляла. Брови её цвета чёрного дерева напоминали округлостью росчерк, сделанный каллиграфом. Полной луне в небесах уподоблю чело её!

И Бахлул, обхватив её, начал сосать её губы и целовать её грудь, пить прохладную влагу из уст и покусывать бёдра. У ней затуманился взор, и она завздыхала. Он целовал её вульву, так что у ней отнялись руки и ноги. Он озира́л её формы с пурпурным украшением.

И, вскричав: «Соблазн человека!» – Бахлул стал лобзать

её пылко, и упоение подступило к пределам. Схватив уд, Хамдонна упрятала его в собственную вагину.

Он медленно двигался, а она страстно ответствовала; беспримерное наслаждение одарило их разом.

Бахлул, встав, решил удалиться. Хамдонна сказала:

«А мантию?! Ты обманщик, Бахлул!»

Он ответил:

«Ты получила своё, я – своё. Первый раз твой, второй – мой; третий – будет для мантии».

И, сказав, он снял мантию и положил на Хамдонну, которая вновь улеглась на кушетку сказав:

«Делай что хочешь!»

Бахлул разместился на ней и рывком вогнал уд в вагину; он действовал, будто толчок, и она двигалась встречно; и одновременно оба излились. Он, встав, ушёл, не взяв мантии.

Негритянка сказала Хамдонне:

«О, госпожа, разве не вышло, как я говорила? Бахлул скверный плут, от него не дождёшься добра. Все над ним насмеются, но – Аллах! – торжествует единственно он. Ты мне веришь?»

Хамдонна сказала:

«Не приставай с укорами. Приключилось, что должно. Ведь на дверях всякой вульвы начертано имя мужа, который войдёт в неё правдою или обманом, с ненавистью или с любовью. Если Бахлул не был бы там упомянут, он не прошёл бы дверей моей вульвы, даже если бы преподнёс мне вселенную.

Тут в их дверь постучали, и негрityнка, спросив, кто там, слышала голос Бахлула. Хамдонна, не зная, что ему нужно, перепугалась. Служанка спросила, что он желает, и услышала: «Воды». Бахлул выпил и выронил чашу, разбив её, после чего сел у порога.

Он просидел там до появления мужа Хамдонны визиря великого, кой сказал: «Что ты делаешь здесь, Бахлул?» Он ответил:

«Мой господин, проходя этой улицей, я почувствовал жажду. Мне вынесли чашу с водой. Чаша выскользнула и разбилась. Тогда госпожа вытребовала у меня мою мантию, кою халиф, наш владыка, дал мне в награду». Великий визирь тогда молвил: «Надо вернуть тебе мантию». Вышла Хамдонна, и муж уточнил, правда ли, что она взяла мантию в качестве платы за чашу. Хамдонна вскричала, рассерженно хлопнув в ладони:

«Что ты наделал, Бахлул?»

Он ответил:

«Я говорил с твоим мужем на языке моей глупости, о, госпожа, ты его убеди языком твоей мудрости».

И она, побеждённая хитростью, каковой он воспользовался, отдала ему мантию.

Глава II

Касательно женщин, заслуживающих похвалы

Знай же, визирь (милость Аллаха пребудет с тобой!), что есть женщины всевозможные: есть достойные похвалы, есть заслуживающие презрения.

Для того, чтобы муж получил удовольствие, у жены должна быть совершенная талия и она должна быть здоровой и пухлой. Волосы её черны, её лоб широк, брови её черно-тёмной эфиопской, очи большие и чёрные, с наичистейшим белком. Щёки безукоризненного овала; нос замечателен и прелестны уста; губы пунцовы; дыхание благоуханно, шея длинна и крепка, лоно просторное, груди упругие, полные в лад с животом, а пупок ясно выделен; нижняя половина пространна, с вульвой приметной и свежей от мыса до ягодиц; двери узкие и не мокрые, испускающие тепло; бёдра крепкие и широкие, талия чётких линий, руки и ноги изящные, кисти пухлые, плечи притягивают взор.

Всякий, узревший такую в лицо, очаруется; всякий умрёт от блаженства, узрев со спины. Восседающая, она – арка; лежащая – схожа с пуховой периной; стоящая – древно знаме-

ни. При движении формы её выделяют под нарядом. Она говорит и смеётся нечасто и никогда – без причины. Она не выходит из дома, даже чтоб встретить знакомых, У ней нет подруг, и она всё таит, а доверенный для неё только муж. Ни от кого ничего, кроме как от родителей и от мужа, она не возьмёт. Не вмешивается в дела родственников, и у ней нет вины, чтобы прятать, и нет дурных мыслей. Она не пытается обольщать мужчин. Но когда её муж выражает желание с ней сопричаться, она уступает и даже его подстрекает. Также не донимает она его жалобами и слезами и помогает в делах его. Если муж в скорби или в печали, она не смеётся, не веселится, но разделяет с ним беды и, успокаивая, возвращает час радости. И она не отдастся чужому, пусть воздержание и убьёт её. Она прячет свою наготу, чтоб никто не увидел. Тщательно подбирая наряды, она беспокоится, чтоб её муж не увидел того, что ему огорчительно; пользуется ароматами и сурьмой, чистит зубы суаком²².

Такая жена будет мужу по нраву.

²² То есть корой орехового дерева, очищающей зубы, окрашивающей губы и дёсны.

История о Дорераме, негре

История сообщает, Аллах подтверждает ту истину, что однажды жил славный эмир, у которого было в избытке владений, и воинов, и союзников. Имя его было Али бен Дирам.

Как-то ночью, оставленный сном, он призвал к себе поданных: военачальника, телохранителя и визиря великого. Трое предстали без промедлений, и он приказал им вооружиться. Они, сделав это, спросили, в чём дело.

И он отвечал:

«Сон оставил меня; я решил этой ночью отправиться в город и взять вас с собой».

«Слышим и повинuemся», – отвечали они.

Со словами: «Во имя Аллаха! С нами молитвы Пророка, а с ним – благословенье и милость», – эмир вышел.

И в переулке они увидели кого-то, в отчаянии распростёртого на земле, колотящего по камням кулаками и причитающего: «О, здесь внизу больше нет справедливости! Кто же расскажет эмиру, что делается в государстве!» И он твердил непрестанно: «Нет справедливости! Мир погряз в бедах!»

Эмир велел спутникам: «Приведите ко мне его, и не пугайте его». И они, подойдя, приказали: «Вставай и не бойся, плохого с тобой не случится».

На что человек отвечал: «Не случится... Однако вы всё-таки не приветствуете меня! А вы знаете, что приветствие

правоверного – знак миролюбия и прощения. Если же правоверный не поприветствовал правоверного, есть причина для страха». – Он встал и прошёл вместе с ними к эмиру.

Эмир же стоял, спрятав, как все его спутники, лик свой под хайком²³.

Приблизившись, человек произнёс: «Здравствуй, о человек!»

И эмир отвечал: «То же тебе, человек!»

Тогда тот: «Почему ты сказал: человек?»

И эмир: «Ну, а ты почему?»

«Потому что не знаю, как звать тебя».

«И я тоже не знаю».

После Али бен Дирам спросил:

«Что означают слова, что я слышал: „О, здесь внизу больше нет справедливости! Кто же расскажет эмиру, что делается в государстве!“ Скажи мне всю правду, что приключилось с тобой».

«Я поведаю это тому, кто решит отомстить за меня и избавит от унижений, когда то угодно Аллаху Всевышнему!»

И правитель сказал:

«Может, я послан Аллахом для мести и избавления от унижений».

«Слушай, открою тебе необычное, – начал тогда человек. – Я любил одну женщину, что любила меня, и мы были согласны в любви. Наша связь продолжалась, пока одна ста-

²³ Хайк – род накидки, которой арабы покрывают голову и лицо.

рая ведьма не завлекла мою пери и не отправила её в дом несчастий, стыда и разврата. И сон отлетел от постели моей; я лишился всех радостей, погрузившись в пучину невзгод».

И эмир: «Где тот дом под дурным знаком и с кем твоя женщина?»

Человек отвечал:

«Она с негром Дорерамом, что собрал в своём доме прекраснейших, как луна, женщин, подобных которым не будет в гареме эмира. Его госпожа страстно любит его, и послушна ему, и даёт ему всё, что он хочет, из серебра, вин, нарядов».

Он рассказал и умолк. И эмир подивился тому, что услышал; великий визирь же, не пропустивший ни слова из сказанного, догадался, что негр был ничьим более, как его собственным.

И эмир повелел показать ему дом.

«Если я покажу, что ты сделаешь?» – спросил человек.

«Ты увидишь, что сделаю», – молвил эмир.

«Ты не сделаешь ничего, – отвечал человек, – ибо место внушает почтение и даже страх. Если ты пожелаешь войти туда силой, ты можешь погибнуть, так как хозяин его именит своей властью и храбростью».

«Покажи это место, – эмир настоял на своём. – И не бойся».

«Как будет угодно Аллаху!» – сказал человек.

Он пошёл впереди. Они вышли за ним на широкую улицу, к дому с величественными дверями, со стенами неприступ-

ными и высокими. И нигде нельзя было взобраться. Недостигаем был дом – точно прятался под щитом. Обернувшись, эмир спросил человека: «Как звать тебя?»

«Звать Омар бен Исад», – был ответ.

«Ты решился, Омар?»

«Да, пусть будет угодно Аллаху на небесах! – и, обернувшись к эмиру, добавил: – Аллах да поможет нам».

И эмир спросил своих спутников:

«Вы решились? Кто заберётся на стены?»

«Никто!» – отвечали они.

И эмир: «Да угодно Аллаху Всевышнему, я заберусь, но посредством уловки, какая имеет в виду вашу помощь. Кто самый сильный из вас?»

И они сообщили:

«Военачальник, который начальствует над твоей стражей».

Эмир продолжал:

«Кто потом?»

«Телохранитель».

«И после?»

«Великий визирь».

И Омар изумлённо внимал, и восторг его был беспределен, когда он узнал, что пред ним сам эмир.

«Ещё я, мой господин», – сказал он.

«Ты, Омар, догадался, кто мы. Не раскрывай нашей тайны, чтобы вина извинилась».

«Слышу и повинуюсь», – воскликнул Омар поклонившись.

Али бен Дирам приказал военачальнику:

«Прежде ты упрись в эту стену руками и подставь спину».

Телохранителю было веление: «Влезь побыстрее на него».

А великий визирь влез на плечи последнего. И эмир повелел:

«Ты, Омар, взойди на вершину!»

Омар, поражённый уловкой, вскричал:

«Одарит Величайший Аллах тебя помощью, наш господин, и да поможет в твоём предприятии!»

Он взобрался наверх, и черёд был эмира, который, вскричав: «Слава Аллаху и слава Пророку Его, коему благодать и милость Всевышнего!» – влез на них всех и взобрался на стену.

Тогда он сказал: «Сойдите друг с друга», – и начал высматривать место спуска, но не нашёл. Размотав свой тюрбан, по нему он спустился во двор, обходя каковой, нашёл двери – все запертые на замок. В беспокойстве эмир прошептал: «Я в затруднительном положении, но так нужно Аллаху: он дал мне силу и сообразительность, чтобы завлечь сюда. Он подскажет мне способ вернуться к товарищам».

И, обследуя место, он принялся обходить помещение за помещением. Он обнаружил семнадцать их, с пологами и обставленные в разных стилях.

Узрел он и полог, к которому вели семь ступеней, из-за

которого слышались голоса. Он взошёл со словами: «Неодолим, кто имеет Аллаха помощником!» – и заглянул в помещение, светлое от канделябров и свечей, что горели в роскошных подсвечниках. В середине играли фонтаны душистой воды. Скатерть, протянутую поперёк, заполняли роскошные яства. Позолоченная мебель слепила глаза.

И за скатертью были двенадцать девушек с семью женщинами, великолепные, будто луны. Они восхитили его, но встревожило, что там были семь негров. Взоры его привлекла женщина лунной красы, черноокая и с ланитами пышными, с талией гибкой; она привораживала взоры тех, кто её видел.

Ошеломлённый ее красотой, он застыл, и потом он заметил себе: «Как теперь мне уйти? О, душа моя, не ступи на дорожку любви!»

И, пока он раздумывал, как ему выбраться, некая женщина обратилась к служанке, назвав её имя:

«Встань и зажги факел, чтоб мы с тобой добрались до постели».

Эмир же, когда они вышли оправиться, что естественно в человеческом племени, спрятался в их покоях.

Женщины воротились и заперли двери. Хмельные, они обнажились и стали друг друга ласкать. Когда обе заснули, Али бен Дирам тоже разделся и лег между ними. Он помнил их имена, и поэтому он обратился к одной: «Ты, такая-то, ты куда положила ключи?»

«Спи, тварь, ибо ключи где им надо».

Опять он спросил о ключах:

«Скоро рассвет, я должна открыть двери».

«Ключи где обычно. Что пристаёшь ко мне?»

Но он начал опять:

«О, ты, такая-то...»

Та ответила: «Что тебе?»

«Я в беспокойстве. Скажи, где ключи».

«Тварь! Твоей вульве мало? Не можешь без этого ни одной ночи? Смотри! Валяй к негру, ключи у него. Не говори ему: дай ключи. Но скажи: дай твой уд. Ну, валяй же к Дорераму».

Переодевшись, прикрыв лик вуалью, он возвратился к пирующим. Все сочли его женщиною, в одеяниях которой он был, и Дорерам сказал:

«Ты, такая-то, живо давай раздевайся и забирайся на ложе».

Эмир прошептал: «Нет силы и власти, кроме как у Аллаха Всевышнего!» Он искал ключи в одеяниях негра, который разделся и вышел, но не нашёл. Вдруг он увидел высокую нишу и обнаружил ключи; в радости он подумал: «Слава Аллаху!» И, разыграв, что хочет рыгнуть, направился прочь. Негр крикнул вдогонку: «Аллах прокляни тебя! Делала б это на ложе!»

Али бен Дирам, достославный эмир, вышел на улицу и произнёс:

«Следуем в дом, призывая Аллаха Благого!» Они приготовились ко всему в доме, где находились семь негров.

В покоях у лесбиянок эмир вновь надел свой наряд. После этого он со спутниками стал за пологом в пиршественное помещение. Между теме ложа слезли Дорерам с одной из красавиц. На ложе взобрался другой негр с женщиной. Пара за парой, – так негры объездили всех красавиц, кроме прекраснейшей, как луна в полнолуние, женщины и двенадцати девушек. Каждая из красавиц взбиралась на ложе усталая, а слюбившись, едва подымалась.

Негры, не унимаясь, один за другим приставали к прекраснейшей женщине, коя отказывала говоря:

«Никогда не добьётесь согласия».

И тогда подступил к ней Дорерам, державший руками свой уд исполинских размеров. Удом он бил по ланитам её и кричал:

«Шесть раз этой ночью я домогался тебя, и шесть раз я тебе уступал; но сейчас я возьму тебя!»

Та увидела, до чего негр пьян, и решила его укротить обещаниями.

«Сядь со мною, — сказала она, — и сегодня же ты утолишь свою страсть».

Негр сел; уд его был напряжён, как колонна. Эмир наблюдал в изумлении.

Женщина, исторгая из самых глубин сердца, пела стихи:

С юношей я слюбляюсь,
В нём мои упования;
Уд его непреклонный, —
С куполом, как жаровня, —
Пьёт моё девство храбро.
Мощный, первый из первых,
Готовый на труд всечасно,
В слиянии он бессытен.
Со вздохами входит в вульву,
Слезу проливая в лоно;
Не дремлет, не просит пауз
И побеждает усталь.
Та не рождалась в мире,
Что спада его дождалась бы.
Полный любовным пылом,
Вторгается он в вагину,
Действуя неослабно
Вперёд от начал и всюду.
То входит махом резким,
То пробует скромно двери.

О, юный! Тиская перси,
Сосая горячо мои губы,
Меня он кладёт на ложе,
И в дланях его я щепка.
Со страстью меня кусает,
Лобзания учиняет.
Узрев же, что я запылала,
Меж бёдер моих ложится,
Дрот свой даёт мне в руку,
Дабы в себя постучалась...
Вот он в пещере счастья!
Меня он трясёт, вращает,
Оба пылко трудимся.
Он мне: «Возьми мою влагу!»
Я отвечаю: «Милый!
Муж, насыщающий мёдом!
Жизнь моих чресл! Старайся!
Рано ещё исторгаться!
Минет сей день в блаженствах!»
Делает он, что хочет,
В объятьях моих и в столах.

Она завершила. Эмир произнёс: «О, до чего обольстительной создал Аллах эту женщину», – и, обернувшись к спутникам: «Несомненно, у женщины этой нет мужа и непорочна она, ибо негр этот любит её, а она не даётся».

«Ты сказал истину, о, повелитель! – свидетельствовал Омар. – Муж её в дальних краях уже год. Многие добивались

её, но она – непреклонна».

«Кто муж её?»

Спутники отвечали:

«Она жена сына визиря отца твоего».

И эмир продолжал:

«Несмотря ни на что, я решил обладать ею, – а после, обоготившись к Омару, добавил: – Здесь ли твоя госпожа?»

И Омар отвечал:

«Я не вижу её, повелитель».

На это эмир: «Потерпи, и увидишь, – после спросив: – Негр этот – Дорерам?»

«Да, и мой раб», – начал великий визирь,

«Помолчи, не время ещё разговаривать», – кончил эмир.

И пока они беседовали, негр Дорерам вскричал:

«Я устал от твоих лживых слов, Бедр аль-Бедур²⁴», – ибо её звали так.

И, желая принудить её, он ударил её по лицу.

Преисполненный гнева и ревности, эмир крикнул визирю великому:

«Что выделяет твой раб! О, Аллах, он умрёт смертью вшивой собаки!»

Женщина обратилась к Дорераму:

«Ты обманываешь твоего господина с женою его, а сейчас ты обманываешь её. В самом деле, она влюблена в тебя страстно, а ты домогаешься прочих».

²⁴ Круглейшая-Из-Круглейших-Лун (араб.).

Эмир тогда молвил визирю великому: «Слушая, преисполнись терпения».

Бедр аль-Бедур прочитала стихи:

Слушай о женщине правду.
В глазах её похоть блещет.
Не верь её клятвам – пусть будет
Она дочь самого эмира.
Гнев женский султан из султанов
Бессилен пресечь своей властью.
Женской любви ты бойся!
Не думай: она меня любит.
Не думай: она мне помощь.
О, были б слова мои ложью!
Она тебя любит ночью,
Но эта любовь минутна.
Ты, груди ей мнущий, – нужен.
Пока с нею слит, – желанен.
После ей безразличен.
Сей истины свет бесспорен.
Жена на семейном ложе
Раба встречает дурного,
Раб утоляет похоть.
Всё это скверно, грязно.
Женский характер лживый.
Жалей же глупого мужа:
Муж умный жене не верит.

Великий визирь заплакал. Эмир повелел замолчать.

Негр ответил такими стихами.

У негров довольно женщин,
И нам не страшны их козни.
Мужи нам вверяют, что имут²⁵.
И это не ложь, но правда.
О, жёны! Вас не удержишь,
Коль уда всхотите, в коем
Для вас ваша жизнь и гибель,
Конец и начало целей.
Ваш гнев на мужей на ваших
Смиряется уда вводом.
А вера у вас – в вагине,
Душа ж ваша – в уде, только.
Вот ваш характер, жёны.

Закончив, он бросился на ту женщину.

Сердце эмира взыграло; он, обнажив меч, ринулся в помещение. Негры и женщины видели только сверканье мечей.

Кто-то из негров накинулся на эмира, однако телохранитель отсёк ему голову. И эмир закричал:

«Пусть Аллах прославляет тебя! Длань твоя не ослабла, и мать твоя породила не тряпку. Ты убиваешь врагов твоих, отдохнёшь ты в раю!»

Негры немедленно уstraшились и успокоились, и эмир

²⁵ Стихи знаменуют тот факт, что домашние негры-прислуга считались животными; им, как не могущим вызывать человеческие эмоции, позволялось приближаться к мусульманским женщинам.

повелел их связать, и потом спросил Бедр аль-Бедур:

«Чья ты жена и откуда у негров?»

Она рассказала всё то, что рассказывал раньше Омар. И Али бен Дирам, произнёсши: «Аллах благословит тебя!» — задал новый вопрос: «Долго ль женщина может быть без мужчины?»

Она отвечала:

«Знатная может полгода, простолюдинка не может и месяца».

Указав на какую-то женщину, эмир вымолвил:

«Кто это?»

Бедр аль-Бедур отвечала: «Жена кади²⁶».

«А эта?»

«Жена одного из визирей твоих».

«Ну, а эта?»

«Жена старшего из муфтиев²⁷».

«И вот эта?»

«Жена казначея».

«И те две в соседних покоях?»

«Там молодая, которую привела вчера старая; негр ещё с нею не был».

Омар произнёс: «Эта та, о которой я говорил, господин

²⁶ Кади — в мусульманских странах судья, единолично осуществляющий судопроизводство на основе шариата.

²⁷ Муфти — знаток шариата, не только разъясняющий его положения, но и объявляющий, на его основе, решения по спорным вопросам. Институт муфтиев как советников при правителях и кади был введён халифом Омаром (717—720).

мой».

«Старая женщина, чья она?»

«Это жена старшины плотников», – отвечала Бедр аль-Бедур.

Эмир продолжал: «Эти девушки, кто они?»

«Дочь чиновника казначейства, дочь мухтасиба²⁸, дочь судебного пристава, дочь старшины муэззинов, дочь хранителя знамени», – называла она.

И эмир спросил, почему здесь присутствуют столько женщин.

Бедр аль-Бедур отвечала:

«О, повелитель, слабости негра – вино и соитие. Он сочается денно и ночью; уд его отдыхает, когда он отходит ко сну».

«Чем он питается?»

И она отвечала:

«Желтками, поджаренными на масле, обмазанными мёдом, наложенными на хлеб; он не пьёт ничего, кроме мускатных настоек».

«Как оказались здесь жёны моих приближённых?»

«О, господин, у него есть старуха, которая вхожа в дома, и она выбирает ему многих женщин, отмеченных красотой».

«Где же негр достаёт деньги, чтобы расплачиваться? Объясни».

²⁸ Мухтесиб – представитель полиции, надзирающий за купцами и собирающий с них налоги.

Взглядом она намекнула, что он достаёт у супруги визиря великого.

И эмир продолжал:

«Бедр аль-Бедур! Я тебе верю. Рассказывай, не таясь, о себе».

И она отвечала:

«Я непорочна. Сколько бы негр ни старался, он бы не взял меня».

«Так ли?» – заметил эмир.

Иона отвечала, что так.

«Покушался ли негр на мою честь? Поведай об этом».

«Не покушался, если иметь в виду твоих жён. Он не осмелился б посягнуть на такое».

Эмир продолжал:

«Бедр аль-Бедур, ты мне нравишься. И, во имя Пророка (слава Аллаха с ним!), расскажи, наслаждался ли негр тобой? Ибо я убеждён, что из вас ни одна не избегла его посягательств и не спасла свою честь».

И она отвечала:

«О, вечный эмир! Он, он ком говорится, был бы отвергнут мной будучи и законным супругом, тем более в незаконной любви!»

«Ты правдива, однако стихи, что я слышал, исполнили душу сомнением».

«Были причины для этих стихов. Я, во-первых, была распалённая, как кобылица; Иблис, во-вторых, совращал меня;

наконец, я хотела сдержать негра с тем, чтобы он отступился, пока Всеблагой выбирает заступника».

«Бедр аль-Бедур, ведай, что ты прощена», — эмир кончил.

Женщины, окружив, умоляли её попросить за их жизнь у эмира. Они обливали ей руки слезами и пресмыкались в отчаянии.

«Мой повелитель, прости этих женщин и девушек ради них!»

И эмир отвечал:

«Нет ни силы, ни власти, кроме как у Аллаха Всевышнего!»

Он повелел отрубить неграм головы. И Дорераму, кой имел бычью шею, отрезали уши и уд, коим, вбив ему в глотку, его удушили.

Утром эмир послал за Бедр аль-Бедур, и он жил с нею, найдя её лучше других. Мужа её он спровадил в темницу.

Смысл же таков, что мужчина, влюбившийся в женщину, подвергается многим опасностям.

Глава III

О мужчинах, заслуживающих презрения

Брат мой, ведай (Аллах милосерден к тебе), что мужчина, который несчастен, имеет невзрачную внешность и чей уд короткий и вялый, — жёнами пренебрегаем.

Когда он слюбяется с женщиной, то он не действует с пылом, дабы принести ей блаженство. Укладываясь на нее сходу, он не целует её и не треплет, он не кусает её, не сосёт её губы и не щекочет.

Он забирается на неё до того, как она вспыхнет от страсти, и сразу с натугой внедряет он уд, безучастный и квёлый. Едва он начнёт, как уже и кончает; он делает пару движений и, падая ей на груди, уже изливает; и это вершина того, что он может. Потом он выуживает инструмент и спешит от неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.